

Цзян Цзыя поклонился:

— Ученик твёрдо запомнит наставления учителя, вовне ни слова не проронит — лишь в сердце сбережет, лишь на бамбуковых планках запечатлеет.

Учитель кивнул, достал из запазухи хранившийся у него много лет неполный древний свиток Канона Звезд и торжественно протянул Цзян Цзыя:

— В молодости я получил его от одного отшельника-звездочета. Здесь записаны законы древней астрологии, астромантии и звездных судеб. Свиток наполовину утрачен, глубок и труден для понимания. Я за полжизни не смог постигнуть его до конца. Возьми его, а когда будешь по ночам наблюдать за звездами, сверяйся с ним и постигай суть — быть может, удастся восполнить пробелы и глубже уразуметь законы Небесного Дао. Только помни: стоит этой книге просочиться наружу, и нам обоим негде будет кости предать.

Цзян Цзыя принял свиток обеими руками. На ощупь он был древним, бамбуковые планки — ветхими, и все они были исписаны мелкими золотыми иероглифами. В них содержались именно те принципы, к которым он пришел в ходе ночных наблюдений за небесами, но здесь они были куда более систематизированными, подробными и глубокими.

Он почтительно поклонился до земли:

— Благодарю учителя за дарование книги! Ученик бережно сбережет ее, заучит наизусть и никому не покажет ни единой строчки.

— Встань, — учитель помог ему подняться, и лицо его было сурово. — У тебя несравненная пронизательность, а теперь у тебя есть и этот канон. В будущем ты непременно сможешь прозревать небесные ци и земные судьбы, заранее предвидя расцвет и упадок, порядок и смуту. Но запомни: тот, кто заглядывает в тайны Небес, неизбежно навлекает на себя небесную немилость; тот, кто постигает небесные замыслы, неизбежно вызывает человеческую зависть. Чем больше ты понимаешь, тем сильнее должен скрывать это; чем яснее всё видишь, тем притворнее должен молчать; чем точнее умеешь предсказывать добро и зло, тем искуснее притворяйся, будто не ведаешь ни о том, ни о другом.

— Ученик понимает, — тихо промолвил Цзян Цзыя. — Спрятать сердце, спрятать разум, спрятать звезды, спрятать замыслы — лишь ради того, чтобы выжить, ради защиты матери и чтобы не подвести учителя.

Учитель легко вздохнул:

— Если ты думаешь так, я могу быть спокоен. Впредь по ночам, если небо заволокут тучи и звезд не будет видно, побольше читай Канон Звезд и поменьше расточай душевные силы, чтобы не повредить основу жизни.

— Ученик запомнил, — почтительно отозвался Цзян Цзыя.

С тех пор по ночам Цзян Цзыя наблюдал за звездами, сверяясь с Каноном Звезд, и стал постигать всё быстрее и глубже. Он одно за другим восполнял утраченные места древнего канона тем, что сам познал при наблюдении за небесами. Сопоставлял с реальным движением светил сокровенные законы древней книги. Изучал и дополнял многократными дневными и ночными наблюдениями те тайны, о которых в древнем трактате не говорилось ни слова.

Его карты звездного неба становились все толще, записи — все подробнее, а в сердце всё отчетливее вырисовывались судьбы Неба и Земли, уделы человеческих царств.

Порой среди этого находились и простые деревенские радости, что скрашивали одиночество долгих ночей и избавляли от мучений с комарами. Годиками он сидел неподвижно на синем камне — спокойный и умиротворенный. Его аура была мягкой и кроткой, он словно сливался с травой и деревьями, становился частью живой природы. Дикие кролики, лесные мыши и ежи то и дело тайком приближались к синему камню — не прячась и не убегая, они тихо ложились рядом с его ногами и составляли ему компанию во время ночных наблюдений за звездами. Ночные птицы, светлячки и ночные бабочки порхали вокруг него; точки света светлячков перекликались с звездным небом, словно земные звездочки, опускавшиеся на его плечи, тыльную сторону ладоней и бамбуковые планки, нисколько не пугаясь и не тревожа его.

Однажды раненый птенец воробья сорвался с ветки и упал ему на колени — его крылышко было слегка повреждено, и птичка дрожала от страха. Цзян Цзыя протянул руку, осторожно поддержал ее и мягко погладил кончиками пальцев. От его ровного и успокаивающего дыхания воробей постепенно успокоился, перестал дрожать и послушно улегся у него на ладони, пол-ночи пробыв с ним под звездами, пока на рассвете не расправил крылья, тихонько чирикнул и не улетел в чащу.

Цзян Цзыя тихо сказал:

— Лти, впредь будь осторожнее, больше не падай.

Воробей, казалось, понял человеческую речь: он описал в воздухе круг и только потом скрылся в лесу.

С той поры каждую ночь, стоило ему приняться за наблюдение за звездами, как прилетало несколько воробьев. Они садились ему на плечи, на бамбуковые свитки и карты звездного неба, щебеча и издавая тихие звуки — без шума и суеты, будто сами слушали, созерцали и постигали звезды. Когда Цзян Цзыя вычерчивал небесные светила, воробьи стояли неподвижно, а тихий шелест угольного карандаша, скользящего по бамбуку, сливался с пением птиц, стрекотанием насекомых и дуновением ветра, привнося в тишину долгой ночи немного мягкой жизненной живости.

Цзян-ши по ночам иногда просыпалась, толкала дверь и видела, как ее дитя сидит на синем камне, окруженное роем мерцающих светлячков, в сопровождении птиц, под шатром звездного неба. Пусть одежда была тонкой, а тело пропитано ночной росой, от мальчика исходило умиротворение, чуждое мирской суете. И хотя в сердце ее по-прежнему жила тревога, она постепенно начинала понимать: ее ребенок вовсе не принадлежит к брэнному миру, не создан

для полевой хижины и не стоит в одном ряду с деревенскими глупцами. Он родился тем, кому предначертано созерцать Небо, ведать его волю, следовать ей и отвечать ей.

Она больше не пыталась преградить ему путь, а лишь каждую ночь тайком готовила старый тонкий ватник, оставляя его у порога, чтобы он мог набросить его, вставая; готовила чашку теплой воды у камня, чтобы он мог утолить жажду посреди ночи; и подвешивала пучки сушеной полыни рядом с синим камнем, чтобы отгонять комаров и уменьшать количество укусов.

На следующую ночь Цзян-ши увидела, что он собирается выходить, и тихо окликнула:

— Я-эр, накинь этот ватник, роса нынче тяжелая, как бы не простудиться.

Цзян Цзыя взял одежду, накинулся ее и кротко ответил:

— Спасибо, мама.

Цзян-ши добавила:

— Захочешь пить посреди ночи — выпей чашку теплой воды, не терпи через силу.

— Я знаю, мама, ложись спать пораньше, не беспокойся обо мне.

В ту ночь звездный свет был необычайно ярким. Звезда Цзывэй находилась в самом зените. Цзян Цзыя запрокинул голову и вгляделся в высь, сопоставляя увиденное с Каноном Звезд, с картами звездного неба за полгода и со своими дневными и ночными озарениями. В этот момент сердце его внезапно дрогнуло.

Он затаил дыхание и замер, вглядываясь во все детали и снова и снова проводя мысленные выкладки. За одну ночь он несколько раз сверял звездные орбиты, яркость, углы и периоды обращения, сопоставляя их с предзнаменованиями расцвета и упадка царств, описанными в древних книгах, и с картинами смуты при дворе и страданий простого народа в человеческом мире. В его сердце сложился потрясающий воображение вывод — кристально ясный и не терпящий возражений.

Он взял угольный карандаш и на самом большом и ровном черепке глиняной посуды медленно вывел черту за чертой. Почерк был мелким и твердым: Звезда Цзывэй тусклая и без света, гостевая звезда нападает на владыку, звезда Тяньлан приходит в движение, в западных землях назревает смута, династия Шан идет к закату, государственные устои расшатаны, народ страдает от бедствий, и не пройдет и шестидесяти лет, как она неминуемо падет.

Каждое слово и каждая строчка весили тысячу цзиней, скрывая в себе небесные ци, человеческие бедствия и тайну смены династий.

Закончив писать, Цзян Цзыя молча смотрел на глиняный черепок. В его глазах не было ни

страха, ни радости — лишь спокойная и глубокая ясность, словно он всё предвидел, всё понял и во всем разобрался давным-давно.

Сидевший рядом воробей тихонько чирикнул, будто шепча о чем-то. Цзян Цзыя тихо произнес:

— Поднебесная погрузится в смуту, простой люд будет страдать. Жаль только, что я сейчас ничего не могу поделать — могу лишь прятать и ждать.

Птичка дважды чирикнула, словно утешая его.

Небо на востоке начало светлеть, утренняя роса стала еще тяжелее. Воробьи один за другим упорхнули, светлячки угасли, ночная тьма отступала. Цзян Цзыя бережно спрятал глиняный черепок, сложил его вместе с толстыми картами звездного неба, завернул в несколько слоев ветхой ткани и закопал глубоко в углу хижины, под землей, чтобы никто не увидел и не узнал.

Он поднялся, стряхнув с одежды пыль и капли росы. Хотя зудящие красные волдыри от укусов комаров по-прежнему густо покрывали его тело, выражение его лица оставалось привычным — спокойным и безмятежным.

Цзян-ши толкнула дверь, увидела его возвращение и тихо сказала:

— Опять просидел всю ночь? Неужели звезды и впрямь так хороши и с ними никак нельзя расстаться?

Цзян Цзыя кивнул, и голос его прозвучал мягко:

— Мама, в звездах сокрыты дела Поднебесной и великое множество истин. Стоит мне взглянуть, и я уже не могу остановиться.

В сердце Цзян-ши шевельнулось предчувствие, но расспрашивать она не смела. Лишь мягко произнесла:

— Заходи скорее в дом, я разогрела жидкую кашу, выпей, чтобы согреться. Сегодня еще нужно идти в деревенскую школу — смотри не покажи наставнику и односельчанам ничего лишнего.

— Угу, — отозвался Цзян Цзыя. — Мама, не волнуйся, я все тот же глупый, по-прежнему молчалив и ничем не выделяюсь.

Цзян-ши вздохнула:

— Ты так разумен, а мое сердце сжимается от жалости. Я лишь молюсь, чтобы ты был в безопасности.

— Я буду в безопасности, и мама тоже, — тихо пообещал Цзян Цзыя.

Мать и сын вошли в хижину. Слабый огонек светильника давал едва теплившееся тепло. А снаружи, на синем камне, оставались следы росы, словно вчерашнее звездное небо, потрясающие предсказания, сопровождавшие его птицы и мерцающие светлячки были лишь никому не ведомым чистым сном.

В деревенской школе наставник заметил, что сегодня взгляд Цзян Цзыя, хоть и оставался погруженным в себя, неуловимо обрел дополнительную глубину человека, прозревшего мирские дела. Он понял, что тот наверняка постиг нечто великое в астрономических наблюдениях, и в его душе смешались радость и тревога. Радовался он божественной проницательности ученика, оправдывавшего его обучение; а тревожился потому, что чем больше тот ведал небесных тайн, тем страшнее становилась грозившая ему опасность — одно неосторожное движение могло обернуться гибелью.

Во время вечернего урока наставник отослал всех остальных и тихо спросил:

— Цзян Цзыя, судя по твоим недавним наблюдениям за звездами, ты ведь постиг какое-то великое событие?

Цзян Цзыя опустил голову:

— Ученик не смеет обманывать: я действительно кое к чему пришел.

Лицо наставника напряглось:

— Это касается судеб государства?

Цзян Цзыя тихо ответил:

— Да.

Наставник не стал расспрашивать дальше и лишь сурово произнес:

— Не нужно произносить это вслух, достаточно того, что знаешь в душе. Я не спрашиваю, ты не говоришь — это и есть величайшая безопасность.

Цзян Цзыя поклонился:

— Учитель, будьте спокойны, ученик не проронит ни полслова.

Наставник кивнул и тихо вздохнул:

— То, что ты постиг, потрясает землю и небеса. Стоит этому просочиться наружу, и весь наш род будет уничтожен. Впредь в школе будь еще глупее, еще молчаливее и еще медлительнее — даже если тебя столкнут лицом в грязь, не смей выказывать и намека на иное.

Цзян Цзыя почтительно ответил:

— Ученик понимает. Отныне я буду еще глупее, еще немее и еще тупее, и ни за что не покажу и проблеска остроты.

Наставник добавил:

— Звездные карты, записи и Канон Звезд непременно спрячь как следует, закопай под землю, никому не показывай, чтобы их не нашли шаловливые дети и чтобы не тревожить твою матушку.

— Ученик уже глубоко закопал их под землей, никто не сможет отыскать, — ответил Цзян Цзыя.

Наставник с облегчением кивнул:

— Хороший ребенок. Только тот, кто умеет выжидать в нужный момент, способен дожидаться веления небес. То терпение, с которым ты сносишь тяготы, твой спрятанный ум, познанные тайны и выжидаемое время — с этим не сравнится никто в Поднебесной. Шестьдесят лет расцвета и упадка, мгновение установления власти — все это умещается в сердце восьмилетнего ребенка, сокрыто среди пыли и соломы хижины, запрятано в ветхих бамбуковых свитках с картами звезд и погребено в долгих ночах, о которых никто не ведает.

В мгновение ока наступила глухая зима. Холодный ветер гонял обрывки сухой травы, с завыванием проносясь меж деревенских дворов. С крыш свисали сосульки, земля промерзла до камня, и каждая семья жалась по домам, пережидая зимние холода на скудных запасах.

Цзян Цзыя с матерью и без того были бедны как церковные мыши: в доме, кроме нескольких пучков обломанных бамбуковых планок и половины старого ватного одеяла, не осталось ничего. Единственным, на чем держалась их жизнь, оставалась половина мешочка просяной крупы, которую Цзян-ши урезала и копила по зернышку. Это были припасы на всю зиму, единственная надежда матери и сына дотянуть до начала весны. Они не смели съесть ни единого лишнего зернышка, варя в день лишь по полпиалы жидкой каши, чтобы едва теплилась жизнь.

Каждый раз, касаясь полупустого сморщенного мешочка, Цзян-ши переполнялась тоской, но все же улыбалась и говорила Цзян Цзыя:

— Я-эр, потерпи еще немного. Пройдет зима, наступит весна, на полях взойдут зеленые всходы, и тогда у нас появится путь к спасению.

Цзян Цзыя неизменно молча кивком подтверждал это, бережно поднося миску с жидкой кашей и сперва подвигая ее к матери:

— Мама, поешь сначала, я не голоден.

— Ты как раз растешь, как тебе не быть голодным? — Цзян-ши возвращала миску обратно, мягко уговаривая: — Я взрослая, я привычная к голоду. Поешь побольше, чтобы ночью были

силы наблюдать за звездами и не прогнозировать до конца.

Мать и сын уступали друг другу, и миску с жидкой кашей приходилось разогревать по нескольку раз, прежде чем они решались разделить ее. И эта половина мешка крупы оставалась единственным светом и единственной надеждой в лютую зиму.

Но в конце концов даже этой мизерной надежде не суждено было уцелеть.

В полуденный час холодный ветер внезапно усилился. Снаружи деревни слышался стук копыт и звон доспехов, сопровождаемый грубыми окриками, лаем собак и кудахтаньем кур, что нарушило многомесячную тишину деревни. Услышав это, деревенские жители в страхе переменились в лице — они спешно затворяли двери и задвигали засовы, жмурясь по углам и не смея издать ни звука; даже детям зажимали рты, не позволяя им сделать глубокого вдоха.

Это чиновники династии Шан пожаловали в деревню за налогами.

Отряд облаченных в черные доспехи людей с острыми мечами на поясе и тяжелыми деревянными дубинами в руках, со свирепыми лицами и злобой в глазах, врвался в деревню, выбивая двери и ломая ворота. Не разбирая, есть ли у крестьян излишки зерна или ткани, они хватили все подряд, отбирая продовольствие. Крики и брань огласили всю округу.

— Налоги! Зерно! Ткани! Кто посчитает скрыть хоть зернышко — бунтовщик, смерть на месте!

— Нищие удумали прятаться? А ну выдавай зерно, не то разнесем твою хижину в щепки!

Вопли, мольбы, стук дубин по дверям и звон разбитой утвари вперемешку с холодным ветром вонзались в уши. Цзян Цзыя сидел в углу хижины, молча приводя в порядок глубоко закопанные звездные карты. Услышав шум, он почувствовал, как сердце камнем рухнуло вниз, а дурное предчувствие мгновенно пронзило все тело.

Цзян-ши побелела лицом, в панике поднялась, прижала к груди тот самый мешочек с просом и крепко прикрыла его спиной, дрожащим голосом выдохнув:

— Я-эр, спрячься скорее! Спрячься за большое дерево позади дома! Что бы ты ни увидел, что бы ни услышал — не выходи, не издавай ни звука, не шевелись, ни в коем случае!

Цзян Цзыя поднял голову, глядя на испуганные и отчаянные глаза матери, почувствовал боль в груди и крепко сжал пальцы:

— Мама, они пришли грабить зерно? Это же наша еда на зиму...

— Грабить! Жизнь отнимать! — голос Цзян-ши трясся так, что она едва владела им, толкая сына к выходу. — Прячься же! Они свирепы и безжалостны, увидев, что ты мал, они непременно обидят и тебя тоже. Если с тобой что-то случится, матери незачем будет жить.

Запомни: что бы ни произошло, не выходи, не сопротивляйся, не пикируйся! Понял?!

— Мама, я не спрячусь, я хочу быть с тобой! — упрямо стоял Цзян Цзыя, и его маленькое тельце натянулось струной.

— Послушайся! — от страха у Цзян-ши покраснели глаза, и она почти закричала: — Время смутное, они — чиновники с мечами и дубинами, нам с ними не справиться! Если ты спрячешься — это спасет маму, спасет жизни нам обоим! Быстро!

Глядя на заплаканное, охваченное ужасом лицо матери, Цзян Цзыя стиснул зубы, подавил бушевавшие внутри эмоции, молча повернулся и согнувшись выскользнул через заднюю дверь хижины. Он прижался к толстому стволу старого вяза позади дома, спрятавшись в зарослях сухой травы так, что наружу выглядывали лишь глаза, и вперил их в порог хижины.

Не прошло и мгновения, как несколько стражников в доспехах выбили хлипкую дверь и варварски ворвались внутрь. Дубины застучали по углам, разбивая глиняные кувшины, бамбуковые циновки были растоптаны ногами, а лохмотья и старые вещи разлетелись по полу, превратив хижину в хаос.

— Где зерно? Куда спрятали?! — главный стражник свирепо нахмурился, ткнул дубиной в сторону Цзян-ши и рявкнул: — Немедленно выдать зимний налог, иначе переломаю ноги!

Цзян-ши крепко прижимала к себе тот самый полупустой мешочек с просом. Все ее тело дрожало, но она наотрез отказывалась разжать руки. Колени ее подогнулись, и она рухнула прямо на ледяную землю, забивши в мольбе земные поклоны. Голос ее был хриплым и сорванным:

— Господа чиновники, умоляю вас, проявите милосердие! В доме осталась лишь эта половина мешка проса — это наше с ребенком спасительное зерно на зиму, здесь нет ни единого лишнего зернышка. Если вы отберете его, мы с сыном непременно замерзнем и умрем с голоду в эту стужу... Умоляю, будьте милосердны, пощадите нас...

Она плакала и снова и снова со стуком билась лбом о землю. От ударов кожа на лбу мгновенно лопнула, кровь покатилась по лицу, капая на мерзлую землю и окрашивая ее в жуткий цвет.

— Милосердие? — стражник насмешливо усмехнулся, исполненный дикой ярости. — Собирать налоги по приказу двора — это воля Небес, кто посмеет противиться? А ты, сука, посмела спрятать зерно и уклониться от налога! Ищешь смерти!

Цзян-ши продолжала горько плакать, орошая землю кровью из разбитого лба, и слабым, отчаянным голосом шептала:

— Господа, у меня правда нет лишнего зерна, только эта половина... Умоляю, оставьте хоть глоточек, оставьте нам с сыном жизнь...

— Хватит болтать! — стражнику это смертельно надоело. Видя, что женщина до побеления костяшек цепляется за мешок с зерном и не отпускает его, он проявил свирепый нрав и со всего маху ударил Цзян-ши ногой в грудь.

Раздался глухой стук.

Цзян-ши и без того была худой и истощенной от долгого голода и холода, — разве могла она вынести такой удар? Ее словно бумажного змея отбросило назад. Она со всего маху врезалась в глиняную стену, сползла на пол, и изо рта у нее фонтаном хлынула кровь, брызнув на землю перед ней пугающе-алыми пятнами.

— Мама!

Цзян Цзыя, прятаясь за вязом, до крови закусил губу, чтобы насильно проглотить этот крик.

Его тело помимо воли колотила мелкая дрожь. Чудовищная скорбь и гнев полыхали в груди, словно пламя, грозя сожрать его целиком; жгучая ненависть, словно ледяное лезвие, дюйм за дюймом кромсала его сердце. Он ненавидел жестоких и злобных чиновников, ненавидел незаконную и жестокую династию Шан, ненавидел смутное время и страдающий народ, но еще больше он ненавидел собственную слабость и бессилие в этот момент — оттого, что не мог защитить даже мать и не сумел сберечь даже мешочек спасительного зерна.

Всю скорбь, всю ненависть, всю боль и все бессилие он силой затолкнул на самое дно души, крепко сдерживая и подавляя их.

Внутри хижини стражники, увидев, что Цзян-ши упала и извергла кровь, не испытали ни малейшей жалости. Напротив, один из них грубо выхватил мешочек с просом, закинул его на плечо, сплюнул на пол и яростно выругался:

— Дрянь бесчувственная, не знаешь добра и зла — вот какова плата за уклонение от налогов!

Несколько человек раскидали ногами валявшуюся утварь и удалились большими шагами, продолжая на ходу сквернословить и отправляясь грабить другие дома. Вопли, мольбы, удары и ругань вновь зазвучали повсюду, разносясь эхом на холодном ветру.

Лишь когда шаги стражников стихли и деревня вновь погрузилась в мертвую тишину, нарушаемую лишь общим хаосом и глухими рыданиями, Цзян Цзыя стремглав выскочил из-за дерева, вбежал в дом и рухнул на колени рядом с матерью. Его голос жутко дрожал, а слезы ручьями катились по щекам:

— Мама! Мама! Как ты? Не пугай меня...

Цзян-ши лежала на ледяном полу. Грудь пронзала жестокая боль, лицо было бледным как

бумага, дыхание — едва уловимым. С большим трудом приоткрыв глаза, она посмотрела на заплаканного сына, с трудом приподняла руку, коснулась его щеки и прошептала едва слышно:

— Я-эр... что ты не вышел... это хорошо... что не случилось беды... и славно...

— Мама, ты кровоточишь, тебе больно? — Цзян Цзыя протянул руку, дрожащими пальцами стирая кровь с уголка материнских губ и со лба. — Это все я виноват, я никуда не гожусь, я не смог защитить тебя, не смог сберечь зерно...

— Ты не виноват... — Цзян-ши легко покачала головой, от каждого движения ее пронзала судорога. — Это время плохое... династия Шан лишена справедливости... тяжело народу, тяжело тебе... Мама в порядке, я не умру... пока ты живешь в здравии, мама выдержит...

— Зерна нет, зимнего зерна больше нет... — голос Цзян Цзыя сорвался на всхлип. — Как же мы теперь будем жить...

Цзян-ши закрыла глаза, и слезы скатились по ее щекам, превратившись в горький вздох:

— Способ всегда найдется... Дикие травы копать, кору с деревьев обдирать, варить корни... Мы дотянем до весны... Я-эр, не бойся, не гневайся, не делай глупостей... Мы потерпим, еще потерпим...

— Я буду терпеть, я буду терпеть всегда, — кивнул Цзян Цзыя. — Мама, будь спокойна, я буду терпеть до тех пор, пока у меня не появится сил защищать тебя, пока никто больше не посмеет нас обижать, пока никто не посмеет отнять наше зерно и причинить тебе хоть малейшую боль.

Поддерживая мать, он понемногу перетащил ее к кану и изо всех сил осторожно уложил, накрыв старым ватным одеялом. Затем он поспешно зачерпнул холодной воды и стал понемногу обмывать рану на лбу матери и кровь в уголках ее губ, действуя до того мягко и осторожно, чтобы не причинить ей лишней боли.

Цзян-ши трясло от боли, но она всё же терпела, тихо вымолвив:

— Я-эр, не держи зла... не таи обиду... в смутное время гнев бесполезен, он навлечет беду лишь на твою голову...

— Мама, я понимаю. Я не стану спешить, не стану действовать опрометчиво и ничего не выкажу. Я буду и дальше терпеть, учиться, наблюдать за звездами и скрывать клинок до тех пор, пока не смогу изменить все это, пока не смогу защитить тебя и весь простой люд.

Цзян-ши слабо кивнула, уставши закрыв глаза. Ее дыхание оставалось слабым, но в нем появилось толику спокойствия:

— Хороший ребенок... Мама верит тебе... Мама подождет... пока ты вырастешь, пока воссияет небесный путь и пока не закончится эта смута...

— Мама, отдыхай спокойно, — тихо сказал Цзян Цзыя. — Я пойду наберу диких трав, обдеру кору, поищу коренья — я ни за что не позволю маме голодать, ни за что не позволю тебе снова страдать. С этого дня я буду защищать маму и держать этот дом.

Он поднялся, молча приведя в порядок разгром в комнате: собрал разбитые горшки, разбросанные рваные вещи, взял старую бамбуковую корзину и толкнул дверь, шагнув в пронизывающий холодный ветер.

Морозный ветер резал щеки словно нож, земля в глухую зиму промерзла насквозь, дикие травы давно пожелтели, а корни ушли глубоко под землю — отыскать их было невероятно трудно. Цзян Цзыя, однако, не обращал на это внимания. Согнувшись, он понемногу ковырял промерзшую землю; пальцы его покраснели и распухли, покрылись кровавыми мозолями, кожа лопалась и сочилась кровью, но он не останавливался.

В его сердце жила лишь одна мысль: если он отыщет еще хоть немного еды, мама сможет вынести на каплю меньше боли; если он вытерпит еще день унижений, то станет на шаг ближе к мести и умиротворению Поднебесной.

Вернувшись под вечер, он принес в корзине лишь несколько пожелтевших стеблей дикой травы да пару тощих корешков. Цзян Цзыя тщательно вымыл их и сварил жидкий, почти водянистый суп, который затем бережно понес матери, по ложечке подкармливая ее.

— Мама, выпей немного, согрейся.

Цзян-ши с трудом проглотила еду, а слезы беззвучно покатались из ее глаз:

— Тяжело тебе, мое дитя... с самых малых лет приходится терпеть такие муки, такую усталость...

— Не тяжело, — покачал головой Цзян Цзыя, и взгляд его был тверд. — Совсем не тяжело. Когда я выучусь и придет время, все наладится. Мама, поверь мне, непременно наладится.

Снова опустилась ночь, и небо вновь заполнили звезды. Звезда Цзывэй казалась еще более тусклой, свет гостевой звезды разгорался все ярче, а звезда Тяньлан зловеще полыхала на ночном небосводе, предвещая поднявшиеся со всех сторон войны и великую смуту в Поднебесной.

<http://bllate.org/book/19338/1890983>